

СЕМЬ ЗНАКОВ ТРАНСФОРМАЦИИ ЗАПАДА

КАК ЗАПАДНАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПЕРЕСТАЛА БЫТЬ СОБОЙ

ВЛАДИМИР СЕМКОВИЧ

ДЕМОГРАФИЯ

КАПИТАЛ

СТАГНАЦИЯ

КОНТРОЛЬ

ИДЕНТИЧНОСТЬ

ТЕХНОЛОГИИ

КУЛЬТУРА

Владимир Семкович

Семь знаков

трансформации Запада

<https://litres.ru/74043326>

SelfPub; 2026

Аннотация

Большинство книг о Западе в России — либо обвинительный акт, либо учебник для подражания. Эта книга не относится ни к одному из этих жанров. Она была написана в Австралии, на английском, для западной аудитории. Но российскому читателю она нужна не меньше, а возможно, и больше.

Под политическими разломами между Россией и Западом лежат тектонические плиты, которые движутся одинаково. Демография. Технологии. Урбанизация. Цифровизация. Старение населения. Эти процессы не знают границ. Россия стареет так же, как Германия. Российские платформы выстраивают цифровой контроль теми же методами, что и западные.

Эта книга — инструмент. Семь знаков, которые анализирует автор, — не приговор Западу, а описание процессов, затрагивающих любую развитую страну, включая Россию. Это попытка сделать причины происходящего чуть более видимыми.

Содержание

Вступление для российского читателя	5
ПРОЛОГ. НУЛЕВОЙ ЗНАК.	8
НЕОДЕМОГРАФИЯ – МОЛЧАЛИВАЯ ПРУЖИНА.	
1. СИМПТОМ	8
2. МЕХАНИКА (ДИАГНОСТИКА)	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Владимир Семкович

Семь знаков

трансформации Запада

«И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей...»

Откровение Иоанна Богослова, 6:1

«Население, которое перестаёт воспроизводить себя, перестаёт верить в себя»

Пьер Шоню, из книги «Будущее без будущего: история и население» (Париж, 1979)

Вступление для российского читателя

Большинство книг о Западе в России пишутся либо как обвинительный акт, либо как учебник для подражания. Эта книга не относится ни к одному из этих жанров. Первоначально она была написана в Австралии, на английском языке, для западной аудитории. Но со временем я понял: российскому читателю она нужна не меньше, а возможно, и больше.

На протяжении последних двухсот лет именно западные общества были лабораторией многих процессов, которые позже становились глобальными. Массовое образование, пенсионные системы, потребительская экономика, цифровые платформы, социальные сети – всё это возникало не одновременно по всему миру. Поэтому изучение западного опыта полезно не потому, что его нужно копировать, а потому, что он позволяет раньше увидеть направления перемен.

Мы привыкли думать о России и Западе как о разных мирах. В каком-то смысле так и есть: политические системы, траектории последних десятилетий, информационные ландшафты – всё это различается настолько, что прямой перенос западного опыта на российскую почву бессмыслен. Но под политическими разломами лежат тектонические плиты, ко-

которые движутся одинаково. Демография. Технологии. Урбанизация. Цифровизация. Старение населения. Эти процессы не знают границ и не спрашивают паспортного режима.

Россия стареет так же, как Германия. Российский рынок жилья поляризуется так же, как австралийский. Российские платформы выстраивают цифровой контроль теми же методами, что и западные – просто с другим юридическим оформлением. Политика идентичности в России не называется woke, но поиск новой коллективной идентичности после распада советского проекта идёт с не меньшей интенсивностью. Культурная стандартизация пришла в российский TikTok и VK так же, как в YouTube и Instagram.

Эта книга не про то, что «Запад гниёт, а мы на коне». Она не про злорадство. Она – инструмент. Понимание того, как устроены западные симптомы, даёт российскому читателю возможность увидеть контуры собственного будущего – не потому что Россия «отстала», а потому что некоторые процессы универсальны. Зная, как демографический переход изменил политический ландшафт Италии или Японии, можно задаться вопросом: а что он сделает с российским политическим ландшафтом через пятнадцать лет? Наблюдая за тем, как западные правительства лавируют между интересами пенсионеров и молодых, можно задуматься: а как будет решать эту задачу Москва?

Я не предлагаю ответов. Я предлагаю рамку. Семь знаков, которые я анализирую, – это не приговор Западу. Это описа-

ние процессов, которые в разной степени и в разных формах затрагивают любую развитую страну, включая Россию.

Возможно, читатель не согласится с моими выводами. Это нормально. Намного опаснее другое: когда изменения происходят быстрее, чем появляется язык для их описания. Тогда общество начинает спорить о симптомах, не понимая причин. Эта книга – попытка сделать причины чуть более видимыми.

ПРОЛОГ. НУЛЕВОЙ ЗНАК. НЕОДЕМОГРАФИЯ – МОЛЧАЛИВАЯ ПРУЖИНА.

1. СИМПТОМ

Есть вещи, которые мы знаем, но не чувствуем. Мы знаем, что население стареет. Мы знаем, что детей рождается меньше. Но знание это – абстрактное, как прогноз погоды на другом континенте. Оно не меняет наших ежедневных решений.

А между тем мы живём внутри демографического перехода, которого человечество не переживало никогда. Не в воображении антиутопистов, не в пророчествах мальтузианцев, а в сухой бухгалтерии национальных статистических служб. Впервые в истории – в мирное время, при растущем богатстве – пирамида, на которой стояли все наши институты, превращается в гриб.

Вот что это значит на языке повседневности.

Если вам тридцать пять, и вы живёте в Милане, Сиднее или Торонто, вы, скорее всего, уже заметили: вокруг много пожилых людей. Они не просто «есть», они заполняют пространство – кафе в будний день, очереди к врачу, скамейки в парках. Это не старческий бум выходного дня. Это новая

демографическая норма.

Если вам пятьдесят, вы, возможно, заметили другое: ваши дети не торопятся заводить своих. Ваша дочь-архитектор говорит, что «пока не готова». Ей тридцать два. Ваш сын-айтишник говорит, что квартира слишком мала для ребёнка, а ипотека съедает половину дохода. Вы не спорите – вы понимаете. Но где-то на заднем плане тикает счётчик.

Если вам семьдесят, вы замечаете третье: больниц не хватает. Пенсионный фонд индексирует выплаты, но их покупательная способность тает. Ваши ровесники – самая быстрорастущая демографическая группа в стране, и вы конкурируете друг с другом за ресурсы, которые были спроектированы для общества, где стариков было втрое меньше.

Это не три разные проблемы. Это три проекции одного и того же процесса.

Если в свои тридцать вы (наконец!) съехали от родителей и стали самостоятельны, вы, скорее всего, арендуете жильё, которое не можете купить. Ваши родители в вашем возрасте уже имели дом, машину и ребёнка. Вы имеете высшее образование, интересную работу и устойчивое чувство, что взрослая жизнь – это череда отложенных решений. Вы не против семьи. Вы просто не видите, как вписать её в график, бюджет и квадратные метры.

Ваша история не уникальна. В вашем кругу, скорее всего, несколько человек уже прошли через развод родителей в детстве – и это сформировало их отношение к браку как к

рискованному предприятию. Кто-то из ваших друзей уже родил – и вы видели, какой ценой. Декретный отпуск, который съедает карьерный темп. Ипотека, которая запирает в одном городе на двадцать лет. Отношения, которые проходят проверку на прочность недосыпом и финансовым стрессом.

Вы не «инфантильны». Вы расчётливы – возможно, даже слишком. Вы хотите сначала обеспечить стабильность, а потом уже заводить детей. Проблема в том, что стабильность в современной экономике – это горизонт, который всё время отодвигается. Сначала вы ждали окончания учёбы. Потом – первой работы. Потом – повышения. Потом – накопления на первый взнос. В 30 лет вы обнаруживаете, что список условий для «готовности» стал длиннее, а времени осталось меньше, чем казалось в 20.

Это не моральная коллизия. Это структурная ловушка. И вы в ней не одиноки.

Теперь – цифры, которые за этим стоят.

Падение рождаемости ниже уровня воспроизводства – это уже не тренд, а новое состояние системы. Во многих странах оно держится десятилетиями, без признаков возврата к прежней модели. Коэффициент фертильности в Южной Корее достиг 0,72 в 2023 году – самого низкого показателя в мире. Италия – 1,24. Канада – 1,33. Австралия – 1,63. Ни одна развитая страна не находится выше черты замещения [1]¹.

¹ Данные по фертильности: OECD, Family Database, Indicator SF2.1: Fertility Rates, Paris: OECD Publishing, 2024; для Южной Кореи – Statistics Korea,

Можно, конечно, сказать: «Так было всегда, просто раньше мы этого не замечали». Но это неправда. В 1970 году только две страны в мире имели фертильность ниже уровня замещения – и это были микросоударства. Сегодня таких стран больше восьмидесяти. Мы перешли невидимую черту, и перешли её одновременно [2]².

Старение идёт рука об руку с падением рождаемости. В Японии доля людей старше 65 лет достигла 29,1%. В Италии – 24,1%. В Германии – 22,4%. Медианный возраст в ЕС вырос с 38 лет в 2000 году до 44,5 лет в 2023-м [3]³. Можно представить это так: типичному европейцу в 2000 году было 38, а сегодня – почти 45. Общество постарело на семь лет за

Population Trends Survey 2023, Daejeon: KOSTAT, February 2024. Показатель 0,72 является предварительным и может быть скорректирован в пределах $\pm 0,02$. Для контекста: в 1960 году коэффициент фертильности в Южной Корее составлял 6,0 – страна прошла путь от одного из высочайших показателей в мире до самого низкого за шесть десятилетий.

² UN Department of Economic and Social Affairs, World Population Prospects 2024, New York: United Nations, 2024. По состоянию на 2024 год 83 страны и территории имеют коэффициент фертильности ниже 2,1. В 1970 году таковыми были только Монако и Сан-Марино. Любопытно, что переход через отметку 2,1 происходит быстрее, чем предсказывали демографические модели 1990-х: например, Индия достигла уровня замещения на 10-15 лет раньше большинства прогнозов ООН.

³ Statistics Bureau of Japan, Population Estimates 2023, Tokyo: Ministry of Internal Affairs and Communications, 2024; Eurostat, Population Structure and Ageing 2024, Luxembourg: Publications Office of the EU, 2024, Table 1. Для сравнения: в Нигере, стране с самой молодой возрастной структурой в мире, доля населения старше 65 лет составляет около 2,5%. Западный мир и африканский континент сегодня существуют в разных демографических вселенных.

два десятилетия [4]⁴.

Миграция – это компенсаторный механизм, который пока работает, но с нарастающим скрипом. Чистый миграционный приток в страны ОЭСР достиг исторических максимумов: 6,1 млн человек в 2022 году [5]⁵. Без миграции население Германии сокращалось бы с 1972 года [6]⁶. В Австралии миграция обеспечивает около 60% прироста населения. В Канаде – более 80% [7]⁷. Это не политика, это костыль. И

⁴ Eurostat, Median Age by Country, Dataset code: DEMO_PJANIND, updated June 2024. Медианный возраст – это не средний возраст. Это возраст, который делит население ровно пополам: половина старше, половина младше. Для ЕС это означает, что половине жителей больше 44,5 лет. В 2000 году половине было больше 38. Сдвиг на 6,5 лет за два десятилетия – это очень быстро по историческим меркам.

⁵ OECD, International Migration Outlook 2024, Paris: OECD Publishing, October 2024, Figure 1.1. Показатель 2022 года – рекордный за всю историю наблюдений с 1950-х. Он включает как постоянную миграцию, так и временную (в том числе украинских беженцев в странах ЕС). Без учёта украинского кризиса показатель составил бы около 4,8 млн – всё равно рекордный. Это указывает на то, что миграционное давление носит структурный, а не конъюнктурный характер.

⁶ Destatis (Federal Statistical Office of Germany), Population Projection 2024-2070, Wiesbaden: Destatis, 2024. Естественная убыль населения (превышение смертности над рождаемостью) в Германии наблюдается каждый год с 1972-го, за исключением нескольких лет в начале 1990-х после объединения. Суммарная естественная убыль за этот период превысила 5 млн человек, но была компенсирована миграцией.

⁷ Australian Bureau of Statistics, National, State and Territory Population, Reference period December 2023, cat. no. 3101.0, Canberra: ABS, March 2024; Statistics Canada, Canada's Population Estimates, Fourth Quarter 2023, Ottawa: Statistics Canada, March 2024. В Австралии естественный прирост (рождения минус смерти) составляет около 120 000 человек в год, миграционный – около 180 000. В

костыль этот нужен всё более длинный.

Что это означает для политики? Один малоизвестный, но показательный сдвиг.

В 1980-х медианный избиратель в западных странах был мужчиной средних лет с детьми. Сегодня, по данным OECD и национальных электоральных исследований, медианный избиратель в ЕС – женщина старше 50 лет, чьи дети уже выросли. Это не гипотеза, а статистический факт [8]⁸.

И этот факт меняет всё. Избиратель с детьми думает о школах, о рынке труда для молодых, о будущем. Избиратель без несовершеннолетних детей думает о пенсии, о доступности медицины, о стабильности. Это не хорошо и не плохо – это рационально. Но это означает, что политическая система начинает дрейфовать от инвестиций в будущее к защите текущего потребления. Не потому, что кто-то злой, а потому что голосов пенсионеров больше, и они приходят на выборы дисциплинированное молодых.

Канаде естественный прирост – около 40 000, миграционный – около 220 000. Соотношение продолжает смещаться в пользу миграции.

⁸ Этот вывод основан на комбинации нескольких источников: Eurostat, Population by Age and Sex, 2024; European Social Survey, Round 10 (2021-2022), Voting Behaviour by Demographics; OECD, Government at a Glance 2023, Paris: OECD Publishing, 2023, Chapter 4. Точный профиль медианного избирателя варьируется по странам, но общий тренд однозначен: в 1980-х медианный избиратель в большинстве западных стран был в возрасте 30-39 лет, сегодня – 50-59 лет. Подробный разбор этого сдвига см.: Harald Wilkoszewski, «Ageing and Political Participation: The Demographic Driver of Policy Preferences», Journal of Population Ageing, vol. 2, no. 3, 2009, pp. 157-177.

Расходы на пенсии и здравоохранение в странах ОЭСР выросли с 15% ВВП в 1980 году до 22% в 2020-м, а к 2040-му, по прогнозу МВФ, достигнут 27-30% [9]⁹. Это не политический выбор в привычном смысле. Это математика: больше пожилых – больше расходов при прочих равных. Политик, который попытается эти расходы сократить, проиграет выборы. Политик, который попытается их увеличить, столкнётся с потолком налогообложения. Оба хода ведут к одной и той же развилке, просто с разных сторон.

Короткая иллюстрация для читателя – почти притча:

В 1970 году на одного пенсионера в Западной Германии приходилось 5,7 работающих. Сегодня – 2,1. К 2040 году будет 1,5 [10]¹⁰. Это означает, что ваш ребёнок будет кормить

⁹ IMF, Fiscal Monitor: Managing Public Expenditure Pressures, Washington DC: IMF, April 2024, Chapter 2; OECD, Pensions at a Glance 2023, Paris: OECD Publishing, 2023, Figure 1.3. Важное уточнение: это средний прогноз. При неблагоприятном сценарии (более быстрое старение, низкая производительность) расходы могут достигнуть 32-35% ВВП в отдельных странах – Италии, Японии, Греции. При оптимистичном – остаться на уровне 25%. Разброс определяется в первую очередь скоростью роста производительности и миграционной политикой.

¹⁰ Deutsche Rentenversicherung, Rentenversicherung in Zahlen 2024, Berlin: DRV, 2024; European Commission, The 2024 Ageing Report, Brussels: European Commission, 2024, Table II.1.12. Цифры приведены для старой системы «pay-as-you-go» (солидарной), которая до сих пор составляет основу пенсионной системы Германии. Соотношение 1,5:1 к 2040 году – это консервативная оценка. Некоторые модели (например, Bertelsmann Stiftung) дают соотношение 1,3:1 при неблагоприятном миграционном сценарии.

не только вас, но и ещё одного незнакомого пенсионера. И это не результат чьей-то злой воли. Это арифметика, которая не требует ни заговора, ни идеологии. Она просто есть.

Я называю это «нулевым знаком», потому что демография – не один из симптомов наравне с остальными. Это – молчаливая пружина. Она не кричит, не выходит на площади, не требует отставки правительства. Она просто сжимается, и все остальные процессы – от государственного капитализма до цифрового контроля – это попытки институтов удержать равновесие на сжимающейся пружине. Демография не причина всего, но она – условие, при котором всё остальное происходит.

В этом прологе я сознательно оставляю в стороне вопрос «кто виноват». Это не значит, что виноватых нет. Это значит, что сначала нужно понять механику. Потому что без понимания механики любой разговор о вине превращается в гадание.

2. МЕХАНИКА (ДИАГНОСТИКА)

Теперь – слой цифр. Но не как набор тревожных фактов, а как попытка увидеть взаимосвязанную систему. Врач не просто смотрит на температуру, давление и пульс по отдельности – он ищет связь между ними. Здесь тот же подход.

2.1. Коэффициент фертильности: глобальное схождение вниз

Начнём с факта, который обычно упускают: это не «западная» проблема. Это общечеловеческий тренд. Развивающиеся страны проходят тот же путь, что и развитые, только быстрее.

Страна

1970

2000

2023

Южная Корея

4,53

1,47

0,72

Япония

2,13

1,36

1,26

Италия

2,42

1,26

1,24

Германия

2,03

1,38

1,46

Канада

2,33

1,49

1,33

Австралия

2,86

1,76

1,63

США

2,48

2,06

1,62

Франция

2,47

1,89

1,68

Китай

5,93

1,51

1,09

Индия

5,59

3,35

2,01

Источники: World Bank Data, OECD Family Database, National Statistical Offices.

Что здесь можно увидеть, помимо самих цифр.

Первое: скорость падения. Южная Корея прошла путь от 4,5 до 0,7 за пятьдесят лет. Это не эволюция, это обвал. Человеческие общества раньше не переживали таких скоростей изменения репродуктивного поведения.

Второе: Индия, последний крупный резервуар растущего населения, упала до уровня замещения. К 2050 году, по про-

гнозу ООН, она уйдёт ниже 2,1. Китай уже там. Это означает, что глобальный рынок «молодых мигрантов» сжимается – не гипотетически, а математически. Через двадцать лет странам, которые привыкли закрывать демографическую дыру миграцией, придётся конкурировать за «место под солнцем».

Одно альтернативное наблюдение: Израиль – единственная развитая страна с коэффициентом фертильности около 3,0. Причина – сочетание религиозной традиции и последовательной пронаталистской политики государства (бесплатное ЭКО до дву

Подробный разбор израильской модели см.: Daphna Birenbaum-Carmeli, «Thirty-five years of assisted reproductive technologies in Israel», *Reproductive Biomedicine & Society Online*, vol. 2, 2016, pp. 16-23; также: Israel Central Bureau of Statistics, *Fertility Rates by Religion and Population Group*, 2023. Важный нюанс: высокая фертильность в Израиле почти полностью обеспечивается религиозными группами (ультраортодоксы и часть национально-религиозного сектора). Среди светского еврейского населения фертильность составляет около 2,1 – ровно на уровне замещения. Это означает, что израильская модель – не столько экономическая, сколько культурно-религиозная. Попытка Венгрии воспроизвести её через экономические стимулы (налоговые льготы, жилищные субсидии, пособия) дала краткосрочный подъём с 1,2 до 1,5 (2011-2021), после чего показатель снова пошёл вниз – до 1,32 в 2023 году. См.: Hungarian Central Statistical Office, *Vital Events 2023*, Budapest: KSH, 2024. Это может указывать на то, что экономические стимулы работают как ускоритель уже существующих культурных установок, но не создают их с нуля.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.